ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ

Полные хроники

С предисловием А.В. Колесникова

Конец УТОПИИ

Михаил Румер-Зараев

Михаил Залманович Румер-Зараев
Экономические эксперименты. Полные хроники

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42642578
Экономические эксперименты. Полные хроники:
ISBN 978-5-17-109886-5

Аннотация

Очень многие утопии в конечном итоге становятся антиутопиями. Автор «Экономических экспериментов…» показывает это на нескольких характерных примерах из разных эпох, в основном – «от сохи», из области аграрной. Потому что сам Михаил Залманович Румер-Зараев знает ее лучше всего, «исходив сельскохозяйственную тему ногами», будучи аграрным журналистом и писателем в советские годы. Теперь таких нет, он единственный, кто знает аграрную утопию, обернувшуюся антиутопией, в лицо, живьем!

Содержание

Предисловие 5
Введение 10
Часть первая 12
Часть вторая 33
I. Военные поселения 33
II. Столыпинский проект 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Михаил Залманович Румер-Зараев
Экономические эксперименты
Полные хроники

© Михаил Румер-Зараев, текст
© Андрей Колесников, предисловие
© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие
Свободу утопии!

Утопия – это такое место, куда хочется, как в советском анекдоте, который вспомнил Михаил Румер-Зараев в своей книге, улететь на «ероплане» к «ядреной матери». Но утопия – это и такое место, не куда, а ***откуда*** хочется улететь, сбежать, скрыться. Принудительное осчастливливание по заранее обозначенному плану не всегда оказывается жизнеспособным, а избранные для экспериментов места – пригодными для жизни.

Очень многие утопии становятся антиутопиями. Автор «Конца утопии» показывает это на нескольких характерных примерах из разных эпох, в основном – «от сохи», из области аграрной. Потому что сам Михаил Залманович знает ее лучше всего, исходив сельскохозяйственную тему ногами, будучи аграрным журналистом и писателем в советские годы. Теперь таких нет, он единственный, кто знает аграрную утопию, обернувшуюся антиутопией, в лицо, живьем.

Содержание и вопросы этой книги напоминают о нескольких очень разных авторах. Международный бестселлер экономиста Дарона Аджемоглу и политического ученого Джеймса Робинсона называется в русском переводе «Почему одни страны богатые, а другие бедные». Почему один и

тот же город, разделенный американо-мексиканской границей и населенный, по сути, одними и теми же людьми, представляет собой два типа существования, два уровня богатства и качества жизни? Почему, если смотреть из космоса, Южная Корея – будто елка в новогодней гирлянде, а Северная – черная дыра со слабым огоньком на месте столицы? Потому что в одной части разделенного города и страны есть работающие институты, а в другой нет – отвечают Аджемоглу и Робинсон. Потому что, мог бы добавить Михаил Румер-Зараев, в одной части реализовывали утопию, а в другой – нет.

Но почему «Огни в Степановском» (так называлась книжка отца автора, известного журналиста, репрессированного Сталиным) горят именно в Степановском – деревне кулаков, а не в Покровке – деревне батраков? Эти два села стояли (и стоят) рядом, а жили – по-разному. На это невозможно найти ответ, хотя фабула известна: одних противопоставили другим, сделали их инструментом насильственной реализации утопии. Другой вопрос: почему голые каменные пространства Палестины не смогли освоить арабы, а сделали это евреи? Ответ на этот вопрос, кстати, Румер-Зараев находит у Артура Кестлера в притче 1930-х годов, но притче документальной: молодой феллах говорит старому о евреях, осваивавших проданные арабами бесплодные земли – во всяком случае, они казались им бесплодными:

«– Псы они и сукины дети, но работать умеют. Вырастят

на этом каменном холме помидоры, дыни и бог знает что еще. Мы слишком ленивы, ей-богу.

– Ты рассуждаешь как дурак, – презрительно отвечает старик. – Я живу для этого холма или он – для меня?»

Кибуцники научились жить для холма. Чтобы он стал в результате жить для них. Хотя сами они просто думали, что реализовывают свой идеальный план.

Второй автор, который пришел на ум после прочтения «Хроник социальных экспериментов», – тоже по еврейской части, даром что треть книги «Конец утопии» – о кибуцах. Это классик современной израильской литературы Меир Шалев, множество романов которого как раз об этом – о попытках, по словам другого классика той же литературы Амоса Оза, соединить в Палестине идеи сионизма с русским народническим сознанием. И это тоже утопия, и за нее люди отчаянно боролись десятилетиями и, вообще говоря, добились успеха, благодаря которому она не превратилась в антиутопию. Но вывод из этой истории не в пользу утопии – он в конце предисловия.

Развивая мысль Питирима Сорокина об отличиях реформы и революции, автор «Конца утопии» делает важный вывод: «…реформы, идущие вразрез с «базовыми инстинктами» народа, можно назвать реализованными утопиями. Они воплощаются в жизнь, когда некая абстрактная идея, рожденная в головах людей или одного человека, становится формой существования общества. Утопичен такой проект

потому, что он идет вразрез с природой человека, сложившейся социальной практикой, хозяйственной традицией. Он может быть навязан обществу или тому или иному его слою насильственно (иногда и не навязан, а принят добровольно для себя группами идеалистов-энтузиастов) и существовать годы, десятилетия, но, в конце концов, исчезнуть разными путями – за счет другой силы или трансформироваться в более приемлемую для человеческой природы форму».

Утопия назидательна: «Всякая баба должна ежегодно рожать, и лучше сына, чем дочь». Утопия самоуверенна: «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно». Утопия, как правило, чрезвычайно рациональна, орнаментирована обоснованиями и цифрами. За которыми стоят хаос, произвол, нищета и неспособность отпустить сжатую пружину – поверить в человека и его разум, дать ему свободу и среду для этой свободы.

Проблема утопий в том, что это эксперимент, который ставится на реальных людях в реальных обстоятельствах. Или люди ставят его на самих себе, вовлекая в проект окружающих. В результате рождается множество Атлантид, обреченных на то, чтобы быть затопленными тяжелой водой истории.

Как только утопический проект социалистического хозяйствования в кибуцах был реализован и стал успешным, – он утратил свою идеологическую подоснову. Чтобы закрепить успех и развиваться, пришлось по сути стать капитали-

стическими предприятиями.

Утопия самой себе дала свободу – и перестала быть утопией.

Андрей Колесников, Московский центр Карнеги

Введение

Одна из книг Борхеса называется «Всеобщая история бесчестья». Можно было бы написать «Всеобщую историю утопий». От «Государства» Платона и «Города солнца» Кампанеллы до умозрительных построений современных фантастов. Но еще интереснее была бы «История реализованных утопий».

Вообще-то сам термин «реализованная утопия» содержит в себе некое противоречие. Ведь «утопия» – слово, придуманное в XVI веке английским канцлером Томасом Мором для обозначения идеального государства, где собственность общественная, труд обязателен для всех, а распределение происходит по потребностям. Так он назвал описанный в своем философском труде остров, на котором расположил это государство, используя греческое «не» – U и topos – «место». Получилось «не место», то есть то, что не имеет места, существует только в воображении автора. С легкой руки Мора так и стали называть всякое учение об идеальном общественном строе, всякую неосуществимую социальную фантазию.

Так как же это – реализованная утопия? А вот так – это когда фантастический план-мечта входит в соприкосновение с действительностью и получается город будущего Бразилиа, в котором нелегко жить, или советский колхоз.

Утопический проект реализуется в жизнь, когда некая идея, рожденная в головах людей или одного человека и продиктованная абстрактными представлениями, становится формой существования общества. Как правило, подобного рода проекты диктуются благими намерениями их авторов, их представлениями о том, каким должно быть устройство человеческой жизни, стремлением обустроить бытие таким, каким оно должно быть, а не так, как сложилось под влиянием «базовых» инстинктов общества.

Двигателем парагвайского эксперимента, в ходе которого отцы-иезуиты создали в XVII веке государство первобытных дикарей-индейцев, обитавших в этой пустынной стране, был чистый идеал – стремление построить среди этих «божьих детей» царство Иисуса, образцовое общество, в котором бы переделывалась человеческая природа.

Часть первая
Парагвайский эксперимент

Предыстория. Импульсом для создания этого государства послужил эпизод конкурентной борьбы двух морских держав – Испании и Португалии, – колонизовавших Южную Америку. Времена были дикие и жестокие, границы между зонами влияния условны, и лихие португальцы из Сан-Паулу повадились совершать набеги в испанский Парагвай, похищая и обращая в рабство индейцев гуарани. В конце концов местные испанские власти решили пригласить иезуитов, у которых, видимо, была слава не только миссионеров, но и умелых организаторов, для создания индейских поселений, которые легче охранять от охотников за рабами.

Над этой вполне материальной подоплекой плана высилась идеологическая надстройка – обращение дикарей в христианство и попечение их душ. И испанский король обращается к генералу ордена с этим предложением.

Согласившись, иезуиты потребовали полной автономии – невмешательства в их деятельность со стороны светских властей вплоть до запрета проникновения европейцев на территорию поселений. Миссии, или редукции (так должны были называться будущие поселки от испанского reducir – превращать, обращать, приводить к вере), освобождаются от

налогов, и туда разрешается доставлять ружья (вообще-то индейцам строжайше запрещалось пользоваться огнестрельным оружием) в целях обороны от паулистов – рабовладельцев.

Первая редукция была создана в 1609 году. Первоначально поселения располагали на территории, имеющей выход к Атлантическому океану, но набеги паулистов не давали спокойно жить. И тогда решено было перебраться на юго-восток, в глубинный район, ограниченный с одной стороны Андами, а с другой – порогами рек Парана, Парагвай и Уругвай. Таким образом, достигалась максимальная автономия, не только политическая и экономическая, но и географическая. Здесь-то, на огромных пустынных землях, охватывавших около 200 тысяч квадратных километров (половина нынешней территории Парагвая), и осуществлялся этот поразительный утопический проект.

Под колокольный звон. На заре над поселком, состоявшим из многих сотен одинаковых тростниковых, обмазанных глиной хижин, плыл колокольный звон. Он звал на молитву в величественном здании церкви с украшенным золотом алтарем. Потом колокол созывал на работу. Строились в колонну и под бой барабанов, под мелодичные переливы флейты шли на поля. Возделывали пшеницу, рис, горох, табак, в привольных пампасах пасли огромные стада быков и коней, выделывали шкуры, пряли шерсть, обжигали кирпич,

производили местный чайматэ. Вечером колокол возвещал отбой, а перед рассветом напоминал мужской половине обитателей хижин о необходимости выполнения супружеских обязанностей.

У святых отцов были все основания гордиться делом своих рук. Эти дикие дети природы, еще недавно ходившие голышом и не брезговавшие человечиной, превратились в земледельцев и ремесленников, исповедовавших веру христову. Конечно, иезуиты не строили иллюзий по поводу своих подопечных. Стоило ослабить контроль, как обитатели редукции могли съесть семена, предназначенные для посева, или забить быка ради куска говядины. Они не голодали, продукты выделялись по норме с общественного склада, там же гуарани получали ткань для пошива одежды. Однако, по мнению их воспитателей, это были дети, смышленые, легко имитирующие ремесленные навыки (в редукциях были даже свои часовщики и ювелиры), но, как писал один из отцов-иезуитов, «никто из них не обладает бóльшими способностями, понятливостью и способностью к здравому смыслу, чем мы это видим в Европе у детей, которые могут читать, писать, учатся, но которые, тем не менее, не в состоянии управлять собой». И вывод делался такой: «Они должны прожить еще несколько столетий социального детства, прежде чем достичь той зрелости, которая является предварительным условием полного обладания свободой».

Эти святые отцы были мыслителями, им по роду работы

исповедников и проповедников полагалось исследовать человеческую природу, а тут попался прекрасный материал, с которым можно было свободно экспериментировать. И к тому же к их услугам был местный опыт. Главный конструктор парагвайской системы отец Диего де Торрес начинал свою миссионерскую деятельность в Перу, где жива была еще память о государстве инков.

Империя инков. В XVI веке Атлантику пересекли более двухсот тысяч испанцев. Это были честолюбивые и алчные неудачники, не нашедшие себе места в метрополии, – разорившиеся купцы, ремесленники, недоучки-студенты, беглые монахи, солдаты, игроки и авантюристы. Легенды об американском золоте кружили им голову.

Когда несколько сотен солдат, предводительствуемые бастардом и свинопасом из Эстремадуры Франсиско Писарро, взяли штурмом Куско – столицу государства инков и вошли в храм бога солнца, увиденное ими превзошло все, что они могли вообразить. Все стены храма были покрыты золотыми листами. Огромная сверкающая пластина с выгравированными над ней чертами бога-солнца висела над алтарем. Эту пластину впоследствии продул в кости известный игрок и лихой кавалерист Мансио Серо де Легикано.

Поражало воображение и государственное устройство империи инков, описанное впоследствии монахами, шедшими в арьегарде отрядов Писарро. По территории, охватывавшей

современные Перу, Эквадор, Боливию, север Аргентины и Чили и заселенной двенадцатью миллионами человек (таковы были масштабы этого государства), шли великолепные щебенчатые дороги, не уступавшие некогда проложенным в Европе Римом, в скалах вырубались туннели, через пропасти перебрасывались мосты, вдоль дорог располагались государственные склады, наполненные продовольствием, одеждой, всевозможной утварью. В городах высились роскошные храмы и дворцы знати. Водопровод, бассейны, сады, полные экзотических плодов… И всем этим великолепием располагала цивилизация, не знавшая колеса, железа, плуга (земля обрабатывалась деревянной мотыгой) и верховой езды (передвигаться можно было только пешком или в паланкине). Каким же образом при столь низком техническом уровне могла возникнуть такая высокая материальная культура?

Все дело в том, что за двести лет, с той самой поры как инки – это могущественное и агрессивное племя – пришли сюда, завоевывая местные племена и становясь верхним аристократическим слоем в созданной ими империи, здесь создалась жесткая и строгая система социальной организации общества.

На вершине социальной пирамиды стоял верховный инка – живой бог, неограниченный и недоступный властелин. Затем шли инки – потомки племени завоевателей – жрецы, чиновники, офицеры двухсоттысячной армии. Затем основная часть населения – крестьяне, пастухи, ремесленники. И

наконец – государственные рабы – потомки некогда восставшего и усмиренного племени, обращенного в рабство.

Вся земля принадлежала верховному инке, то есть государству. Каждый крестьянин, женившись, получал от властей участок земли, необходимый для прокормления одного человека из расчета посева 45 килограммов кукурузы. Назывался такой участок тупу. При рождении сына ему выделяли еще один тупу. А после его смерти земля возвращалась в государственный фонд. Сырье ремесленникам также выдавалось государством, которому потом сдавались готовые изделия.

Вообще степень огосударствления была необычайно высока. Частная собственность отсутствовала, средства производства выделялись во временное пользование, а плоды труда поступали в распоряжение государства. Крестьяне помимо своих участков обязаны были обрабатывать земли инков, отбывать воинскую повинность, ремонтировать дороги, работать в золотых и серебряных копях. Такая система требовала огромного и разветвленного государственного аппарата, который надзирал, управлял, регламентировал жизнь в мельчайших ее проявлениях.

Для работы крестьяне объединялись в бригады из десяти семей, пять таких бригад составляли более крупный коллектив и так далее, вплоть до объединения в десять тысяч семей.

Трудовой день на поле начинался по сигналу – чиновник трубил в рог со специально построенной башни. Закон пред-

писывал определенное время еды, во время которой семья для удобства надзора держала дверь хижины открытой. Покидать деревню без разрешения не позволялось. Регламентировалось все – размеры жилища, покрой одежды (каждому человеку выдавалось с государственного склада два плаща одинакового фасона и цвета – рабочий и праздничный), прическа и даже сама семейная жизнь. Раз в году каждую деревню посещал особый чиновник, который производил бракосочетания тех, кто достиг определенного возраста. Кому с кем вступать в брак – решал тот же чиновник.

Всякое отклонение от регламента, от нормы жизни – будь то сооружение дома непредусмотренной формы или даже рождение двойни – рассматривалось как проявление враждебной государству силы. Закон требовал не просто соблюдения порядка, но радостного бодрого служения интересам общества. Так, родители девушки, отобранной для человеческих жертвоприношений, совершавшихся по разным торжественным поводам, не должны были ни в коем случае выказывать печали, а даже, наоборот, проявлять радость в связи с тем, что их ребенку оказана такая честь.

Закон опирался на систему жестоких и изощренных наказаний – от порки кнутом, подвешивания над пропастью за волосы или бессмысленного перетаскивания с места на место тяжелого камня до пожизненного заключения и смертной казни. Смерть полагалась за поваленное в лесу дерево или кражу плода с государственной плантации. Это были

преступления против государства.

И вот такое-то огромное, жестокое, упорядоченное государство с двухсоттысячной армией и рабским послушанием подданных несколько сотен испанских головорезов смогли завоевать и привести к покорности за считанные годы.

Современное либеральное мышление усматривает среди главных причин успеха конкистадоров не отсутствие у инков огнестрельного оружия и лошадей, не борьбу за престолонаследие, развернувшуюся в империи как раз в то время, а косность и апатию, отсутствие инициативы и духовное угнетение, свойственные этому обществу, которое оказалось зданием, построенным на песке. Но отец Диего де Торрес, проектировавший на основе опыта инков свое государство иезуитов, скорее всего, так не думал.

Социальная пирамида. Переселение в автономный район состоялось тридцать лет спустя после начала создания редукций, в 1640 году, когда стало очевидно, что от столкновений с охотниками за рабами не отвяжешься. Словно крупный зверь, преследуемый собаками, уходили колонны гуарани с побережья Атлантики на юго-восток, обремененные накопленным имуществом, вооруженные ружьями, вступая в бой с преследующими их паулистами. Наверное, это было внушительное зрелище – переселение целого народа, исход в далекую страну, отрезанную от мира горами и порогами больших рек. Ему предстояло там прожить более ста лет, со-

здав особый уклад жизни, такой похожий на тот, что существовал за сто лет перед тем на другом, тихоокеанском краю континента, только управляли гуарани не инки, а отцы-иезуиты, и в качестве божества выступал Христос, а не бог-солнце.

В Парагвае также была социальная пирамида. На верху – 200–300 иезуитов, затем около двухсот тысяч гуарани и, наконец, 12 тысяч негров-рабов. Обычно в редукции жило от двух до трех тысяч индейцев, но в самой крупной миссии святого Ксавера насчитывалось 30 тысяч жителей. Все редукции строились по единому плану. В центре поселения – церковь. Развалины некоторых из них сохранились до сих пор, давая представление о монументальности этих сооружений. На той же площади, что и церковь, располагались общественные заведения – тюрьма, арсенал, мастерские, склады, больница. Остальная территория разбивалась на ровные квадраты, застроенные одинаковыми тростниковыми однокомнатными хижинами с очагом, дым от которого выходил через дверь, с подстилками на земляном полу, где в смраде и копоти вместе с собаками и кошками спала и ела вся семья – отцы, матери, дети, деды и бабки. Поселение ограждалось рвом и стеной, входы охранялись, выход без разрешения был невозможен.

Каждая редукция управлялась двумя отцами-иезуитами, старший занимался делами веры, проповедовал и исповедовал, младший – делами хозяйственными. Но с индейцами

они практически не общались, показываясь народу лишь во время богослужений. В остальное время общение шло через должностных лиц, коррехидоров и алькадов, избираемых из индейцев открытым голосованием населения по списку, составляемому патером. Эти местные чиновники каждое утро являлись к младшему патеру, дающему им указания и утверждающему их решения.

Никакой частной собственности, никакой купли-продажи и вообще никаких денежных отношений не допускалось. Индеец держал в руках монету раз в жизни, во время бракосочетания, и ее у него тут же отбирали. Браки совершались дважды в год под контролем патеров и по их назначению. Одновременно молодая пара получала в пользование участок земли, как сказали бы сейчас – личное подсобное хозяйство.

Вся принадлежавшая миссии земля делилась на две части – туламба – божья земля, на которой работали коллективно, и абамба – личные участки, которые обрабатывала семья. Правда, и семена, и инвентарь для личного хозяйства все равно давала миссия. Она же снабжала сырьем и инструментом ремесленников, которые работали в общественных мастерских – под надзором надсмотрщиков пряли шерсть, выделывали кожу и шили башмаки (при этом сами ходили босыми), обжигали кирпич, мололи зерно и даже печатали церковные книги на европейских языках, сами говоря и читая на языке гуарани, для которого иезуиты разработали письменность.

Все произведенное сдавалось на склады, откуда семья получала все необходимое – пять метров холста на человека в год для одежды, ежегодно – нож и топор, два-три раза в неделю – кусок мяса и порцию чая матэ.

Никаких законов не существовало, их заменяли решения патеров, которые, исповедуя этих «божьих детей», тут же назначали наказания за проступки. Преступности почти не было, в основном речь шла именно о проступках – съел семена, не обработал личный участок (индейцы, прилежно трудясь под надзором на «божьей земле», к личной – относились с пренебрежением), отказался вступать в брак с выбранной патером невестой. Но и наказания были мягкими в сравнении с теми, что употреблялись у инков, – выговор с глазу на глаз, публичный выговор, порка кнутом, наконец, тюремное заключение. Смертная казнь, по уверениям мемуаристов, не применялась.

При полном отсутствии внутренней торговли весьма развита была внешняя. Ввозя, в основном, лишь соль и железо, иезуиты в огромных объемах вывозили самые разнообразные продукты и товары, одного лишь чая матэ, весьма популярного в Южной Америке продукта, редукции продавали больше, чем весь остальной Парагвай. По всему континенту ходили слухи об их богатстве, вызывая пересуды и зависть. Но покуситься на эти богатства оказывалось не так-то просто. Иезуиты имели хорошо вооруженную армию численностью в 12 тысяч человек. Скажем только, что современная

парагвайская армия насчитывает 16 тысяч человек.

Гуарани были неплохими воинами, а обладая в отличие от инков огнестрельным оружием и сражаясь не только в пешем, но и в конном строю, представляли собой весьма внушительную силу, которая не раз решала судьбу междуусобных войн в регионе. Они не раз брали штурмом Асунсьон, громили португальцев, некогда уводивших их в рабство, освободили от осады англичан Буэнос-Айрес.

Но экономические и военные успехи, в конце концов, и погубили государство иезуитов. Испанское правительство не могло примириться с существованием этой независимой силы, к тому же правительство колонии волновали легенды об открытых иезуитами серебряных и золотых копях, слухи об огромных доходах, получаемых ими от внешней торговли, что выглядело вполне правдоподобным, если учесть дешевизну труда индейцев и необычайное плодородие страны. Все это совпало с растущим раздражением, которое вызывал орден во всем христианском мире и в самом Риме, ощутившем опасность усиления общества Иисуса с его дисциплиной, целеустремленностью и организационными дарованиями.

Еще в XVII веке орден был удален из португальских владений. А в 1743 году иезуитов обвинили в нелояльности испанской короне.

Поводом для запрета деятельности иезуитов в испанских владениях послужила книга, своего рода донос бывшего чле-

на ордена Бернардо Ибаньеса «Иезуитское королевство в Парагвае», где разоблачалась «подрывная» деятельность общества Иисуса. После правительственного расследования обвинений Ибаньеса миссии решено было ликвидировать.

В 1767 году иезуиты поднимают мятеж, мобилизуя свою армию. Для подавления восстания из Испании прибывает карательная экспедиция, насчитывавшая пять тысяч солдат. Гуарани отчаянно сопротивляются, защищая своих патеров и всю систему поселений. Следуют казни, осуждение на каторгу, и, в конце концов, иезуитов высылают не только из Парагвая, но и со всего континента, а обитатели редукций разбегаются в сельву, обращаясь в свое первобытное состояние.

В 1835 году на территории государства иезуитов в Парагвае оставалось всего пять тысяч гуарани. А развалины огромных храмов стоят до сих пор, будоража воображение туристов и напоминая об этой удивительной реализованной утопии.

«Детское счастье слаще всякого». Парагвайский эксперимент интересен прежде всего своей чистотой и завершенностью. Ведь государство иезуитов погибло в силу причин внешних. Это как если бы советский эксперимент завершился не вследствие внутреннего взрыва, каким была революция 91-го, а как результат проигранной войны и завоевания страны немцами. И обратите внимание, гуарани отча-

янно воевали, защищая своих руководителей и, стало быть, привнесенный ими образ жизни. Они сражались за свое государство, которое существовало полтора века и бог знает сколько бы еще существовало, если бы его не развалили испанцы.

Важно понять еще и то, что в руки социальных реформаторов попал девственно чистый материал. Эти дети природы со смутными, во всяком случае, толком нам не известными религиозными понятиями, со слабой племенной организацией были той сырой глиной, из которой можно было лепить социальную конструкцию, соответствующую представлениям патеров об идеале общественного устройства, основанном на чуде, тайне и авторитете.

«Да, мы заставим их работать, – говорит Великий инквизитор у Достоевского, рисуя своему молчаливому собеседнику общественную утопию, – но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь, как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя… И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей – всё, судя по их послушанию, – и они будут

покоряться нам с весельем и радостью».

Достоевский знал о государстве иезуитов, не мог не знать, его описывал еще в XVIII веке Вольтер, на парагвайский опыт ссылался Добролюбов, этот опыт был объектом многих умственных спекуляций, продолжающихся до сей поры. Во всяком случае, весьма проницательный литературовед Григорий Абрамович Бялый обращал внимание комментаторов «Братьев Карамазовых» на то, что государство иезуитов вполне могло быть историческим прообразом утопии Великого инквизитора.

«Нет греха, а есть только голодные, – говорит Великий инквизитор. И далее пророчествует о социальной революции, выдвигая альтернативу проповеди христовой – «“Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!“ – вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против тебя и которым разрушится храм твой».

Иезуиты кормили своих подопечных. Эти недавние каннибалы вели достаточно сытое, во всяком случае, безголодное существование, которое не зависело от результатов их труда – каждому по потребностям. Они имели кров, воскресный отдых, одежду и даже медицинское обслуживание, в редукциях имелись больницы. Как сейчас сказали бы, они жили на полном государственном обеспечении. Да, надо было работать, подчиняться определенным дисциплинарным требованиям, но ведь и детей учат дисциплине, пониманию того, что есть грех, и детей наказывают. «Детское счастье сла-

ще всякого», – говорит тот же Великий инквизитор.

Я задаюсь вопросом: что было бы, если бы Испания не пошла войной на иезуитов? Получила ли бы жизнь в миссиях какое-либо развитие? Судя по свидетельствам самих святых отцов, они, в конце концов, начинали понимать, что пришла пора воспитывать у их подопечных элементарное чувство ответственности и инициативы, чувство собственности, которое не могло у них пробудиться в условиях «детского» существования на государственном обеспечении. Индейцы могли трудиться лишь под строгим надзором, будь то работа в поле или в мастерской. Нет надзора – нет работы. Иезуиты были достаточно умны, чтобы осознавать бесперспективность таких трудовых отношений, необходимость взросления обитателей редукций. В качестве первого шага на пути к такому взрослению они начали раздавать скот по хижинам в семейное пользование. Но ничего из этого не выходило, никакого пробуждения инициативы не получалось. Индейцы так же лениво и равнодушно ухаживали за этим скотом, как они работали на «абамба» – личных участках. Все было для них «божье» – не свое.

Восторги просветителей. Этот утопический проект был запущен в интеллектуальный оборот в Европе, стал предметом социально-философских штудий и по-разному воспринимался разными мыслителями, отражая тем самым борьбу идей в общественном сознании.

Для ортодоксального христианского сознания всякая попытка построения царства божьего на земле (а парагвайский опыт можно отнести к таким попыткам) недопустима. Точно так же как для ортодоксального иудейского сознания возрождение евреев на Святой земле может осуществить только Мессия. И, стало быть, в представлении экстремистского иудаизма, создание еврейского государства с таким его реализованным утопическим проектом, каким является кибуц, также недопустимо. Вот почему католическая церковь особенно не распространялась о государстве иезуитов в Парагвае и, уж во всяком случае, не заносила этот опыт в число своих достижений.

А вот французские просветители при всем их антиклерикализме, при том, что иезуиты были для них врагом номер один, главным препятствием на пути прогресса, захлебывались от восторга. «На долю общества Иисуса, – пишет в «Духе законов» Монтескье, – выпала честь впервые провозгласить в этой стране идею религии в соединении с идеей гуманности… Оно привлекло рассеянные в селах племена, дало им обеспеченные средства для существования и облекло их в одежду. Всегда прекрасно будет управлять людьми, чтобы сделать их счастливыми».

А вот что пишет Вольтер в «Опыте о нравах»: «Распространение христианства в Парагвае силами одних только иезуитов является в некотором смысле триумфом человечества».

Более ста лет спустя после восторгов Вольтера и Монтескье представитель марксистского мышления Поль Лафарг, видимо, усматривая в парагвайском опыте ростки того, что впоследствии будут называть казарменным коммунизмом, писал, что республика иезуитов «ни в каком случае не была коммунистическим обществом, где все члены принимают равное участие в производстве сельскохозяйственных и промышленных продуктов и равные имеют права на произведенные богатства. Она была скорее капиталистическим государством, где мужчины, женщины и дети, осужденные на принудительную работу и телесное наказание, лишенные всяких прав, прозябали в равной нищете и равном невежестве, как ни блестяще процветали земледелие и промышленность в стране, как ни велико было изобилие богатств, производимых ими».

Приют скитальцев. Вольные парагвайские земли и до сей поры манят переселенцев из разных стран Старого света, несущих в своей судьбе следы исторических конфликтов, войн, революций, религиозных исканий. Поэтому где-нибудь на плоскогорье Чако можно встретить и русских, и украинцев, и немцев. А в поселке менонитов, которых немало в Парагвае, может возникнуть мысль о том, как в дальней исторической дали, в том самом XVI веке, когда по этой парагвайской пампе проходили отряды конкистадоров, в Германии со страшной жестокостью подавляли очередную реа-

лизованную утопию – Мюнстерскую коммуну анабаптистов. И уязвленный этой жестокостью протестантский священник Симон Меннон создавал на основе анабаптистского перекрещенчества свое учение, полное евангельского гуманизма.

А потом сотни тысяч его последователей скитались по свету, уходя от воинской обязанности и готовые ехать куда угодно, лишь бы не брать в руки оружие. Путь их пролегал из Германии в Российскую империю, где их привечала Екатерина, а потом в Новый свет и в том числе в Парагвай, где селились они кучно, сохраняя, как и в России, язык, культуру, религию.

И уже в нынешние времена такие же немцы-скитальцы, изведав сибирские морозы и казахстанские пыльные бури, вернувшись на историческую родину и, не обретая себя в сегодняшней германской действительности, продолжая свое бесконечное странствие, отправлялись в Парагвай. Их было немного – сотни, но они откликались на очередной утопический проект под названием «колония Нойфельд».

Здесь сказывалась не религиозная проповедь, а обыкновенная современная реклама. «Хотите получать 300 евро в месяц дополнительно к вашим доходам? Или жить в стране круглого лета, среди своих земляков?» – вопрошала выходившая в Германии русскоязычная газета «Земляки». И разъясняла, что некий предприниматель из русских немцев по имени Николас Нойфельд купил в Парагвае 26 тысяч гектаров отличнейшей земли и продает теперь своим соотече-

ственникам отдельными участками по цене две-три тысячи евро за гектар. И если вы купили, скажем, с десяток гектаров, то можете переселяться и осваивать свою землю, а если пока не хотите уезжать из Франкфурта или Дюссельдорфа, то сдайте участок в аренду кооперативу, основанному тем же Нойфельдом, и будете получать прибыль. Считайте, что вы приобрели недвижимость, которая приносит вам доход. И вот уже существует поселок со всей инфраструктурой – школой, больницей, мясокомбинатом и молочным заводом – и добрая сотня русско-немецких семей живет там, занимаясь привычным для них еще в России сельским трудом. Ну а другие готовились к переезду, приглядывались и приезжали в эту пампу, примеряя на себя новую жизнь.

А реклама все манила и манила. Ах, какая земля, рассказывали интервьюируемые переселенцы, хоть на хлеб ее мажь, по два урожая собираем, а какие здесь реки, какая рыба, ее не ловят, а из ружья стреляют, какие здесь теплые дожди, какие рассветы и закаты, какие фрукты и овощи. А главное – люди, свои, чистые, не испорченные городской жизнью, такие же, как вы, российские крестьяне немецкого замеса.

Каков сюжет? Так и вспоминается старый советский анекдот о том, как на правлении колхоза обсуждали, что делать с двумя тоннами авиационной фанеры, которую колхозникам подарил завод, то ли коровник подлатать, то ли трибуну в деревне сделать, чтобы начальство на ней демонстрацию при-

ветствовало. А дед Михей сказал: «Давайте лучше сделаем из этой фанеры ероплан и улетим на нем к ядреной матери».

Не сбылось. Вся эта парагвайская идиллия оказалась обыкновенной «панамой», организатор проекта сел в тюрьму, а доверчивые мечтатели потеряли свои деньги.

Часть вторая
Столетие поисков

I. Военные поселения

Этот проект приписывают Алексею Андреевичу Аракчееву, но мало кто знает, что он был противником его, предлагая сократить солдатскую службу с двадцати пяти до восьми лет и создавая из отслуживших солдат армейский резерв, что нельзя не признать и здравым, и гуманным предложением. Идея же военных поселений, то есть прикрепления солдат к земле, принадлежала самому государю, прозванному Благословенным (почти у всех Романовых были эти присвоенные им молвой постоянные эпитеты – то комплиментарные – Великая, Освободитель, то гневно-уничижительные – Палкин, Кровавый). Так вот военные поселения являлись «любимой игрушкой» Александра I Благословенного.

Трудно себе представить, сколь противоречива и загадочна была личность этого государя. Как сложно формировался его характер при дворе у бабки, у которой на старости лет любовники были почти в возрасте старшего внука, а потом при гневливом и психически неуравновешенном отце, о заговоре против которого он знал, и отцеубийство так и висе-

ло над ним проклятием все его царствование. И европейское воспитание прекраснодушного Лагарпа, и единоборство с Наполеоном, и Венский конгресс, где он предрекал будущее Европы, и пылкие порывы молодости, сменившиеся мистической ипохондрией зрелости, и, наконец, сама внезапная и таинственная смерть его, породившая слухи об уходе в народ – всё, всё было соткано из противоречий, из душевных взлетов и падений. Он ведь и крестьян пытался освободить, чувствуя себя просвещенным европейским монархом. Двенадцать сановников получили повеление разработать освободительный проект, и лучшим из них оказался аракчеевский. Да-да, этот отвратительный «дядька» царев, «сутулый, с низким волнистым лбом, с небольшими страшно холодными глазами, с толстым, весьма неизящным носом в форме башмака, длинным подбородком и плотно сжатыми губами, на которых никто кажется, никогда не видал улыбки или усмешки», этот сухарь и зануда, чье имя стало символом жестокого угнетения – аракчеевщины, именно он был автором проекта освобождения крестьян, который полвека спустя осуществил Александр II.

Но слухи об этом проекте, распространившись, вызвали такие гнев и возмущение дворянства, что Александр I ощутил над своим престолом тени задушенных отца и деда. И тогда возник другой план – создания военных поселений, где будут жить раскрепощенные солдаты-крестьяне. Раскрепощенность стала мнимой, зависимость и тяготы этой жиз-

ни оказались куда более тяжелыми, чем у крепостных. Но Александру казалось, что, когда полоса военных поселений протянется через всю Россию, тогда он сможет опереться на эту новую опричнину, подчиненную вернейшему, «без лести преданному» слуге, и уже не страшны будут никакие дворянские заговорщики, в роли которых обычно выступали гвардейцы.

Однако это причина личная, за который стоял вечный страх российского самодержца, чья власть была ограничена лишь цареубийством. Имелись и другие поводы – социально-экономические. После войны 1812 года, разорения районов боевых действий и дорогостоящих заграничных походов страна находилась в состоянии тяжелого финансового кризиса. На содержание армии уходила половина государственного бюджета, рекрутские наборы лишали помещиков рабочих рук. Система военных поселений должна была сократить расходы на содержание армии, ликвидировать рекрутские наборы в мирное время и расширить социальную базу самодержавия за счет военно-земледельческого сословия.

Вообще-то идея эта была не нова. В последние годы екатерининского царствования в Петербурге появился утопический роман князя Михаила Михайловича Щербатова «Путешествие в землю офирскую», где среди разных свойств идеальной монархии излагалась система организации войск. «Каждому солдату дана меньше обыкновенного хлебопахаря, однако, довольная земля, которую они обязаны обделы-

вать: треть же из каждой роты, переменяясь погодно, производит солдатскую службу; а и все должны каждый год собираться на три недели и обучаться военным обращениям, а во все время, в каждый месяц по два раза…»

В жизни офирян «все так рассчитано, что каждому положено правило, как ему жить, какое носить платье, сколько иметь пространный дом, сколько иметь служителей, по сколько иметь блюд на столе, какие напитки, даже содержание скота, дров и освещения…»

Стремление к регламентации всех проявлений жизни, к прусской военизированной дисциплине было в крови у российских монархов, из поколения в поколение рождавшихся от германских принцесс. И в Аракчееве Александр и Павел ценили четкость, деловитость, дисциплинированность. То обстоятельство, что граф Алексей Андреевич был противником военных поселений, нисколько не помешало назначению его руководителем этого проекта. Государь знал, что, откровенно высказав свое мнение, Аракчеев тем не менее будет неукоснительным и ревностным исполнителем верховной воли. Тем более что у себя в Грузино, в пожалованной Павлом вотчине, граф создал идеальное с точки зрения Александра поселение, которым царь не раз любовался, бывая в гостях у своего фаворита, и которое послужило прототипом будущих военных поселков.

Любоваться в Грузино было чем. Просторные избы на каменном фундаменте, к которым вели аккуратные дорожки,

дороги с твердым покрытием, пруды, обсаженные деревьями. Каждый крестьянин имел лошадь и несколько коров, правда, свиней держать не разрешалось во избежание грязи. Граф был любителем чистоты. Барский дом сравнительно скромный, небольшой, но дворня – в ливреях, имелись оркестр и хор певчих.

Жизнь была достаточно сытная, но дисциплинированная. Порядок соблюдался во всем, и на каждый случай жизни имелось графское предписание. Было письменное положение о метелках для подметания улиц, о занавесках на кроватях, об окраске крыш, об обязанностях каждого члена крестьянской семьи. Имелся приказ, по которому «всякая баба должна ежегодно рожать, и лучше сына, чем дочь». Барину представлялись списки неженатых и незамужних, и делались пометки, кого и на ком женить. За поведением крестьян устанавливалось тайное наблюдение. Строгая система телесных наказаний увенчивалась «нравственной» карой: наказанный должен был писать графу покаянное письмо с обещанием исправиться. Надо полагать, что грамотных было достаточно для сочинения таких писем.

Конец этого утопического эксперимента, столь напоминающего нам опыт парагвайских иезуитов, известен. После 25 лет такого существования крестьяне взбунтовались и убили царившую в Грузино графскую любовницу Настасью Минкину. Мудрено, что они не сделали этого раньше.

Тонкий знаток провинциальной России Николай Семено-

вич Лесков выразил это противостояние европейского начала и русского национального характера в рассказе «Язвительный». Мужики там взбунтовались и побили англичанина-управителя, который требовал порядка и наказывал не привычным мордобитием и сечением розгами, а тем, что сажал провинившегося мужика на стул, привязывая к нему ниткой. Такое наказание и привело к бунту. У рассказа есть трудно передаваемый психологический подтекст, заставляющий раздумывать над этим сюжетом, уходя мыслями в глубины российской истории.

Однако вернемся к военным поселениям. Проект начал осуществляться в 1809 году в Белоруссии, но был прерван войной и широко возобновился в 1815 году сначала в Новгородской губернии, где располагалось образцовое Грузино, да и Петербург был неподалеку, а потом – на Украине. Селили ротами на казенных землях, в сущности, закрепощая государственных крестьян.

Это земледельческое войско формировались из солдат, прослуживших не менее шести лет в армии и женатых, и из местных жителей в возрасте от 18 до 45 лет. Те и другие именовались хозяевами. Остальные крестьяне зачислялись в помощники хозяев и входили в резервные воинские подразделения. Дети поселенцев с семилетнего возраста зачислялись в кантонисты, а с 18 лет переводились в воинские части. С 45 лет поселенцы уходили в отставку, но несли службу в госпиталях и по хозяйству. Жизнь строго регламентировалась,

круглый год крестьяне проходили помимо земледельческих работ военное обучение, подвергаясь в случае провинностей телесным наказаниям.

До конца царствования Аракчеев неуклонно выполнял волю Александра, доведя численность поселенцев до 800 тысяч человек, создав целое государство в государстве, которое иногда сотрясали бунты (выдержать такую жизнь было нелегко), но, тем не менее, оно существовало полвека, неся в себе порядки и правила жизни, заложенные его основателем.

Аракчеев добился хорошего продовольственного и хозяйственного обеспечения подчиненного ему войска, заботился об обучении людей грамоте. В поселках не знали, что такое нищенство, бродяжничество, пьянство. Вводились разные хозяйственные новшества: многополье, улучшение породы скота и сортов семян, применялись удобрения, использовались советы видных агрономов, учреждались госпитали, школы. В результате удалось создать безубыточное хозяйство и не только возместить расходы казны на создание поселений, но и составить значительный капитал в размере 26 миллионов рублей, сумма по тем временам немалая.

В николаевское царствование режим жизни был существенно ослаблен и поселенцы получили некоторую свободу хозяйственно-предпринимательской деятельности, смогли заниматься промыслами и торговлей. Отмена крепостного права привела к завершению этого эксперимента.

II. Столыпинский проект

Личность. По журналистской привычке начинать любой разговор, в какие бы глубины истории он ни уходил, со дня сегодняшнего, начну и эту главу с факта 2009 года – с конкурса на присуждение «Имени Россия».

Напомню, что в этом телешоу, проводимом по примеру других стран, первые три места в рейтинге заняли Александр Невский, Столыпин и Сталин. Каждая из этих трех фигур на народном пьедестале почета заслуживает отдельного разговора. Но меня в данном случае занимает личность Петра Столыпина, с таким пристрастием и артистическим темпераментом отстаиваемая Никитой Михалковым. Не знаю, сыграл ли здесь роль михалковский дар убеждения, но то, что Столыпин обошел Пушкина и Петра, Менделеева и Ленина и вышел практически на первое место (Александр Невский – личность от нас бесконечно далекая, полумифическая и знакомая народу лишь по патриотическому фильму Эйзенштейна), заслуживает осмысления и размышления.

Этот убитый агентом охранки российский премьер и неудачливый реформатор вместе со всеми своими деяниями стремительно вошел в российское массовое сознание сразу же после краха советизма, в идеологии которого он оставался усмирителем революции пятого года, вешателем, автором «столыпинского галстука». И вот уже его имя носят различ-

ные фонды, национальная премия, присуждаемая представителям аграрной элиты России, медаль, выдаваемая за заслуги в решении стратегических задач социально-экономического развития страны, вот уже возникает поток житийной литературы и памятник реформатору стоит в центре Москвы. А фразы из столыпинских выступлений – «Вам нужны великие потрясения, а мне нужна великая Россия», «Мои реформы рассчитаны на сильных и трезвых, а не на пьяных и слабых», – цитируются как формулы патриотизма и державного величия.

Так кто же был Петр Аркадьевич Столыпин и какова его роль в истории государства российского?

Можно отметить происхождение из недр российской аристократии, ее культурного слоя – родственные и дружественные связи семейства с Лермонтовым, Толстым; родовое богатство – имения в Ковенской, Пензенской, Калужской, Саратовской губерниях. И при этом очевидная ранняя одаренность, стремление не к традиционной для дворянства военной или дипломатической карьере (маниловское «кем ты, душенька, будешь – дипломатом или военным?»).

Он с блеском окончил физмат Петербургского университета, настолько поразив глубиной знаний профессора Менделеева, своего будущего конкурента в рейтинге «Имя Россия», что тот, увлекшись на экзамене обсуждением с ним научных проблем, едва не забыл поставить отметку и, в конце концов, воскликнул: «Боже мой, что ж это я? Ну, довольно,

пять, пять, великолепно».

А после университета – неожиданный финт – не приготовление к научной карьере, не доцентура и кафедра, а скромнейшая должность помощника столоначальника в министерстве государственных имуществ, которая дала опыт низовой чиновничьей работы. Но вскоре он уезжает в Литву, занимается своим имением и одновременно становится уездным, а спустя годы и губернским предводителем дворянства.

Эти должности входили тогда в номенклатуру министерства внутренних дел, и министр Плеве считал, что их следует занимать способным практикам, преуспевшим в сельском хозяйстве, к каковым, видимо, причислялся и Столыпин.

Во время революционных событий – скачок в карьере – ненадолго гродненский, а затем на три года – саратовский губернатор. На этой последней должности он заставил о себе говорить как о жестком и бесстрашном усмирителе крестьянских волнений.

Дальнейшая его биография воплощается в событиях масштаба государственного – с апреля 1906 года он министр внутренних дел, а вскоре и председатель Совета министров Российской империи.

Он был блестящим оратором – четким, динамичным, эмоциональным, афористичным. Свое выступление на открытии Государственной думы второго созыва в марте 1907 года он завершил следующим пассажем: «Я скажу, что правительство будет приветствовать всякое открытое разобла-

чение какого-либо неустройства, каких-либо злоупотреблений. В тех странах, где еще не выработано определенных правовых норм, центр тяжести, центр власти лежит не в установлениях, а в людях. Людям, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребления будут разоблачаемы, пусть они будут судимы и осуждаемы, но иначе должно правительство относиться к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти паралич и воли, и мысли, все они сводятся к двум словам, обращенным к власти: „Руки вверх!“ На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: „Не запугаете!“»

В этой сорокаминутной речи, произнесенной с трибуны Таврического дворца, где собиралась Дума, в тот момент более чем на сорок процентов состоящая из враждебных правительству оппозиционных партий левого блока – эсеров, трудовиков, социал-демократов, он обнародовал свой пакет реформ, призванных перевести Российскую империю в новую эру.

Эти реформы включали в себя преобразования в деревне, предусматривающие трансформацию крестьян из общинников, связанных круговой порукой, в собственников земли, передовых современных хозяев, по сути своего менталитета

противодействующих всякому революционному брожению. Речь шла также об усовершенствовании системы образования с постепенным введением его обязательности; создании социального страхования и социального обеспечения городских рабочих; административной реформе, включающей в себя выборность местных властей, судов, полиции; реформе налогообложения; уравнении в правах старообрядцев и расширении прав евреев.

«Двадцать лет покоя – внутреннего и внешнего, – восклицал реформатор, – и вы не узнаете нынешней России!» Это говорилось ровно за десять лет до Февральской революции, и самому Столыпину было отпущено из этих десяти лет четыре с половиной года до того рокового выстрела в киевском театре, который оборвал его жизнь.

Из всего столыпинского пакета были осуществлены лишь закон о землевладении и землеустройстве и сопутствующие ему законодательные акты, получившие название «аграрной реформы». Но прежде чем говорить об этой реформе, представлявшей собой типичный для России реализованный утопический проект, обратимся к объекту реформирования – сельской общине – одному из ключевых социальных образований российской истории.

Плуг и соха. «Когда вы первый раз видите русскую деревню, вы можете подумать, что попали к моравским братьям. Здесь нет, как у вас во Франции, больших отличных

ферм, где живут сельские капиталисты, – этих своеобразных сельскохозяйственных мануфактур, окруженных бедными лачугами, в которых многочисленные поденщики, подлинные сельскохозяйственные рабочие, влачат жизнь не менее жалкую и не более обеспеченную, чем рабочие городских фабрик. Ввиду того, что каждый русский крестьянин входит в состав общины и имеет право на земельный надел, в России нет пролетариев. В нашей деревне по обеим сторонам проходящей через нее дороги тянутся два ряда домов, совершенно одинаковых, похожих один на другой».

Это Иван Сергеевич Тургенев описывает во французской газете российский крестьянский быт, заставляя задуматься над многослойностью такого описания, рассчитанного на европейского обывателя, представляющего себе российскую жизнь на уровне «снег, водка, медведи». И сколько же тут всего намешано – и идеализация русского крестьянства, сравниваемого с моравскими братьями – протестантской сектой, известной чистотой своих религиозных помыслов, трудолюбием и пуританским бытом, и предубеждение против «язвы пролетариатства», воспитанное аграрным романтизмом, и вера в крестьянскую общину – альтернативу бездуховной цивилизации нового времени, общину, которой суждено было стать «чудотворной иконой славянофилов, народников, самодержавия». Причем писалась-то эта статья за четыре года до отмены крепостного права, когда поземельная сельская община была целиком во власти помещика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.